

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6302462>

УДК 327.5:94(410+470)

Арбеков А.Б.

Арбеков Александр Борисович, соискатель, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, Россия, 300002, г. Тула, ул. Октябрьская, 2. E-mail: killkennedy123@yandex.ru.

«Восточный вопрос» в интерпретации британской военной элиты в последней трети XIX века

Аннотация. В данной статье представлены результаты анализа документов британских архивов по проблеме трансформации стратегии Соединенного королевства по Восточному вопросу в последней трети XIX века в контексте соперничества с Россией в Евразии. В основе исследовательского интереса находится потребность изучения влияния представителей военной элиты на формирование внешней политики Британской империи по проблеме проливов Босфор и Дарданеллы на фоне постепенного разделения сфер влияния в Центральной Азии. В результате научных изысканий автором выдвинуты обоснованные аргументы о наличии существенного воздействия армейских кругов, на вектор проводимого политическим руководством Великобритании внешнеполитического курса по Восточному вопросу в исследуемый период.

Ключевые слова: Восточный вопрос; Большая игра; военная разведка; военно-стратегическое планирование; международный кризис; колониальная политика; Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Arbekov A.B.

Arbekov Alexander Borisovich, postgraduate student, researcher, Tula State Arms Museum, Russia, 300002, Tula, st. Oktyabrskaya, 2. E-mail: killkennedy123@yandex.ru.

“The Eastern Question” viewed by the British military circles in the last third of the XIX century

Abstract. This article presents the results of the analysis of documents from the British archives on the problem of the transformation of the strategy of the United Kingdom on the Eastern question in the last third of the XIX century in the context of rivalry with Russia in Eurasia. The research interest is based on the need to study the influence of representatives of the military elite on the formation of the foreign policy of the British Empire on the problem of the Bosphorus and Dardanelles Straits against the background of the gradual separation of spheres of influence in Central Asia. As a result of scientific research, the author put forward reasonable arguments about the presence of a significant impact of the army circles on the vector of the foreign policy course pursued by the political leadership of Great Britain on the Eastern issue during the period under study.

Key words: Eastern question; Great Game; military intelligence; military-strategic planning; international crisis; colonial policy; Russo-Turkish War of 1877 – 1878.

Начало третьей декады XXI в. ознаменовалось сохранением тенденции роста напряженности в сложившейся системе международных отношений. На это оказывают прямое влияние продолжающийся военно-политический

конфликт в Сирии, вывод военных контингентов США из Афганистана и захват власти в стране движением «Талибан» (запрещено в РФ), а также вновь набирающий обороты российско-украинский кризис. В то же время власти Турции планируют

проложить судоходный Стамбульский канал, соединяющий Черное и Мраморное моря в качестве альтернативы проливу Босфор. Реализация этого проекта, в свою очередь, непременно поставит вопрос о распространении или нераспространении на новую водную артерию конвенции Монтрё 1936 г., предполагающей наложение серьезных ограничений на плавание военных кораблей нечерноморских держав. Во втором случае введение в эксплуатацию Стамбульского канала предоставит возможности свободного прохода боевых судов НАТО в акваторию Черного моря. Наряду с вероятным расширением военного присутствия Североатлантического альянса в Восточной Европе это может создать в перспективе очень серьезную угрозу положению Российской Федерации на ее собственных юго-западных рубежах.

Поэтому актуальная напряженная международная ситуация вновь отсылает к страницам относительно недавнего прошлого, когда проблема проливов носила наиболее острый характер. Здесь идет речь о так называемом «Восточном вопросе» и военно-политическом соперничестве между великими европейскими державами за наследие «больного человека Европы» - Османской империи, прежде всего между Россией и Великобританией.

История непростых российско-британских взаимоотношений в последней трети XIX в. представляет собой процесс борьбы в различных сферах с целью утверждения доминирующего влияния одной из империй на Востоке. Традиционно это явление рассматривалось в отношении двух переменных - «Восточного вопроса» и «Большой игры», которые оказывали взаимное воздействие друг на друга.

Интерпретация понятия «Восточный вопрос» в правящих кругах двух империй изначально было несколько различной. В понимании царского руководства данный термин подразумевал территориальный раздел Османской империи, укрепление российского влияния на Балканах и в Малой Азии, а также установление контроля

над морскими проливами Босфор и Дарданеллы. Для Великобритании, в свою очередь, Восточный вопрос имел более широкое геополитическое толкование и, как отмечала Т.Н. Гелла, соотносился не только с судьбой Османской империи и ее обширными владениями на Балканах и в Малой Азии, но и имел отношение к странам Центральной Азии - Персии, Афганистану и, безусловно, к Индии [2, с. 62]. Соответственно, Восточный вопрос экстраполировался и на проблему обеспечения защиты главных «путей в Индию», а также на процесс разделения сфер влияния в Центральной и Восточной Азии. Исходя из такой внешнеполитической парадигмы, вполне закономерно, что Восточный вопрос в определенных исторических реалиях плавно перетекал в ход так называемой «Большой игры» и наоборот.

Значительное влияние на формирование британской политики по Восточному вопросу в последней трети XIX в. оказывали именно военные круги, прежде всего специалисты и руководители разведывательных структур. Об этом свидетельствует целая серия аналитических записок и конфиденциальных отчетов, которые были составлены в недрах Военного ведомства (War Office) в период развития различных международных кризисов, связанных как с разделом наследия «больного человека Европы», так и с осложнением политической обстановки на Среднем и Ближнем Востоке.

До начала XX в. высшие эшелоны власти Великобритании совершенно не допускали прямого вмешательства армейских кругов в процесс разработки имперской стратегии, предоставляя им роль советников именно по вопросам ее имплементации. Во многом это объясняется логикой исторического развития Соединенного королевства и стремлением парламента и кабинета министров обеспечивать полный контроль над вооруженными силами страны. Тем не менее, именно острое российско-британское соперничество на Востоке, нередко доходившее до критической точки напряжения, все больше под-

талкивало Уайтхолл обращаться к ведущим военным специалистам для выработки наиболее оптимального алгоритма внешнеполитических действий.

Об этом свидетельствует документ «Продвижение России в Азии» от 25 марта 1873 г. под авторством капитана Чарльза Уилсона - руководителя отдела топографии и статистики, реорганизованного в разведывательный департамент (Intelligence Department) в мае того же года. Фактически это пространная военно-статистическая сводка, излагавшая историю постепенного расширения российских владений на Среднем Востоке к 1873 г., актуальному на момент ее разработки. Но, при этом, в документе содержится широкий ряд прогностических заметок и стратегических рекомендаций.

Капитан Уилсон отмечал, что Россия к тому моменту еще не имела необходимых оперативных баз для наступления в Индостан, но дальнейшее ее приближение к Мерву и возможный его захват могли предоставить возможность создать склад припасов и базу для операций от берегов Каспийского моря через Герат, откуда можно будет развить наступление далее к Кандагару и к перевалам Болан и Хайбер, ведущим напрямую в Индию [17, pp. 49–52]. Для превентивного решения этой проблемы капитан Ч. Уилсон рекомендовал целый комплекс стратегических мер, нацеленных на усиление британских позиций не только в Центральной Азии, но и на Ближнем Востоке. Опираясь на текст этих рекомендаций, по нашему мнению, можно смело констатировать, что в 70–80-х гг. XIX в. военные специалисты метрополии рассматривали процесс российско - британского соперничества в более глобальном географическом пространстве, не замыкаясь только на проблеме взаимодействия с сопредельными с Индии странами. Это предопределило во многом поляризацию мнений в среде британской военной элиты по проблеме «русской угрозы», которая получит значительный импульс после событий Пендинского кризиса 1885 г.

В первую очередь, обращает на себя внимания идея соединить железной дорогой «Средиземное море и устье Персидского залива, чтобы сформировать альтернативное средство сообщения с Индией через Суэцкий канал и сделать Англию независимой от канала» [17, p. 53]. В контексте цитируемого отрывка довольно характерно, что позиция капитана Уилсона вскоре найдет яркое отражение в обсуждении консервативным правительством Б. Дизраэли британской стратегии по Восточному кризису (1875–1878), направленной на обеспечение безопасности «путей в Индию».

Необходимо пояснить, что после открытия навигации по Суэцкому каналу в 1869 г. для британского политического истеблишмента проблема защиты колоний, прежде всего Индии, и систем морских коммуникаций стала одной из главных повесток дня в первой половине 70-х гг. XIX в. В связи с этим, как отмечал Е.Ю. Сергеев, стратегическая ценность Среднего Востока для Лондона значительно возросла [6, с. 122]. В 1871–1872 гг. в британском парламенте активно обсуждался вопрос о строительстве железной дороги в Месопотамии от Средиземноморья до Персидского залива, которая, как и указывал капитан Уилсон, должна была снизить зависимость метрополии от судоходства по Суэцкому каналу, находившемуся в это время практически под полным контролем Франции. Так, российский военный агент в Лондоне, генерал-майор А.П. Горлов, 30 ноября 1875 г. докладывал Военному министру Д.А. Милютину, что намерение построить эту железную дорогу есть чисто «военное» дело, «как запасное средство для скорого сообщения с Индией на случай каких-либо остановок по Суэцкому каналу <...>, дающее возможность, в случае войны с Россией, сосредоточить английские и турецкие войска (от Константинополя и от Бомбея), к Эрзеруму и верховьям Тигра и от туда действовать против нашего Закавказья или прикрывать северо-западную часть Персии и Тегеран...» [4, Л. 98–98/об.]. В связи с этим, британское руководство до

приобретения контрольного пакета акций Суэцкого канала в ноябре 1875 г. во многом ориентировало свою политику в Центральной Азии на достижение единоличного контроля над Персией.

Новый импульс к обсуждению британской стратегии на Востоке придал Восточный кризис (1875–1878), на протяжении которого консервативное правительство Б. Дизраэли рассматривало различные варианты военного вмешательства в конфликт России и Турции на стороне последней. В этом контексте, прежде всего, следует обратиться к записке «Восточный вопрос» от 10 ноября 1876 г. под авторством генерал-майора Гарнета Уолсли. С апреля 1876 г. он занимал должность военного представителя в Совете Индии при кабинете министров Б. Дизраэли. Составленная им записка, несмотря на ее название, сводила воедино широкий спектр внешнеполитических проблем, затрагивавших интересы Британской империи на Востоке.

Большая часть документа посвящена обсуждению подготовки к возможной войне против России в союзе с Турцией и Афганистаном как на Балканском полуострове, так и в Центральной Азии. Довольно характерно, что основная мотивация для вмешательства Соединенного королевства в русско-турецкий конфликт, с точки зрения автора, заключалась в предотвращении захвата проливов Босфор и Дарданеллы. Генерал - майор Г. Уолсли, стремившийся играть значительную роль в механизме принятия ключевых решений во внешней политике, указывал, что «обладание Россией Европейской частью Турции неизбежно приведет к использованию ее армий к югу от Босфора с целью возможной оккупации Сирии и Египта», которая со временем неминуемо перерастет в «непосредственную угрозу нашему сообщению с Индией по Суэцкому каналу» [18, pp. 2, 7].

Для упреждения этого сценария он рекомендовал подготовить экспедиционный корпус, разделенный на четыре дивизии по 10 тыс. чел. каждая, и, в отличие от

опыта Крымской войны, высадить его не на болгарском побережье Черного моря в крепости Варна, а десантировать в заливе Энос (Энез), чтобы атаковать с фланга российскую армию и ее систему сухопутных коммуникаций после пересечения Балканских гор, предварительно укрепив инженерными работами Константинополь и полуостров Галлиполи, а также оккупировав о. Крит в качестве перманентной военно-морской базы. Тем не менее, в представлении генерала Уолсли, на данном театре войны британской армии совместно с турецкой предстояло действовать преимущественно в оборонительном ключе, скоывая основные российские военные ресурсы [18, pp. 4–9]. «Энергичное наступление» по задумке британского офицера следовало производить именно на центральноазиатском плацдарме, где Россия, по его мнению, была наиболее уязвима. Туркестан в это время находился практически в полной изоляции от остальной части империи и, исходя из этой предпосылки, генерал Уолсли считал, что Англия имела идеальную возможность «напасть и нанести ей (России. - А.А.) удар в Центральной Азии, чтобы отбросить ее на 100 лет назад в борьбе за полный контроль над всей Азией» [18, p. 5].

По его плану предлагалось к марту 1877 г. подготовить в Пешаваре на границе с Афганистаном небольшой англо-индийский отряд численностью 10 тыс. чел. для наступления через Кабул и Бамианское ущелье Гиндукуша прямо на Самарканд и Ташкент. По мере продвижения, в представлении генерала Уолсли, англо-индийский отряд уже к июню того же года превратится в настоящий «снежный ком», консолидирующий афганские и туркменские племена против России [18, p. 8].

Важно отметить, что именно достижение политического контроля над Кабулом для военного противостояния с Россией выступало одним из ключевых факторов, приведших к затратной второй Англо-афганской войне 1878–1881 гг. При этом многие военные специалисты, ответственные за планирование кампании против

Афганистана, действительно воспринимали наступление на Кабул как один из этапов дальнейшего похода в российские владения в Средней Азии. Согласно эпистолярному наследию генерала Ф. Робертса, после первых успехов британской армии активно обсуждался вариант дальнейшего продвижения небольшого англо - индийского отряда под его командованием от афганской столицы через Бамианское ущелье в сторону Балкха с целью концентрации войск на границе российского Туркестана для наступления в Ташкент весной 1879 г. [11, pp. 34–37].

После завершения кампании и вывода войск из Афганистана весной 1881 г. военные круги в Лондоне стали более прагматично подходить к оценке «русской угрозы» британскому владычеству в Индии. Накануне Пендинского кризиса в марте 1885 г. глава разведывательного департамента полковник Эйлмер Кэмерон указывал, что сама «угроза» Индии без внятной внешнеполитической цели, например захвата Константинополя и Проливов, не имела совершенно никакого смысла для правительства империи Романовых. Только в этом случае, по его мнению, «Россия, несомненно, попытается сделать наше положение в Индии как можно более неудобным» [19, p. 57]. В качестве основного рецепта противодействия этому он рассматривал сценарий осуществления масштабной военно-морской экспедиции в союзе с Турцией для атаки черноморского побережья российского Закавказья через Проливы, чтобы обеспечить контроль над акваторией Каспийского моря и тем самым отрезать Закаспийскую область от основных баз и систем коммуникаций с Кавказом [22, p. 59].

Уже после начала Пендинского кризиса весной 1885 г. российский военный агент в Константинополе генерал-майор В.Н. Филиппов фиксировал попытки Лондона зондировать почву на предмет подобного военного союза с Портой. «Султан пока в колебании между желанием извлечь выгоду из ожидаемого столкновения России и Англии, и опасением потерять от

этого столкновения...» [3, Л. 19], - докладывал 12 апреля 1885 г. российский военный агент в Главный штаб. Однако уже к 24 апреля он сообщил, что «англичане давят Порту, требуя союза», а британский военный атташе в турецкой столице майор Генри Троттер и вовсе уведомил русского визави о готовности Великобритании в любой момент форсировать Проливы [5, Л. 7]. 29 апреля генерал-майор Филиппов вновь отправил тревожные известия в Петербург: «Вчера турецкие и немецкие паши осматривали Дарданеллы. Есть серьезные основания подозревать переговоры союза Турции и Англии» [5, Л. 11]. В итоге британо-турецкий альянс так и не сформировался, но с этого момента высшее руководство империи Романовых однозначно определило главную стратегическую цель на восточном направлении - захватить Босфор и «закрыть распахнутую настежь дверь» в Черное море [1, с. 324–325, 388–387].

Одновременно с этим, в Лондоне высшее британское командование занималось последовательной разработкой контрмер для предотвращения развития российского сценария решения Восточного вопроса. В начале 1886 г. на пост главы разведывательного департамента в Лондоне был назначен один из наиболее талантливых штабных офицеров поздней викторианской эпохи – генерал-майор Генри Брэкенбери, занимавший этот пост до 1891 г. Он полностью разделял точку зрения своего предшественника, полковника Э. Кэмерона, по Восточному вопросу и выстраивал всю последующую британскую военную стратегию в контексте соперничества с Россией именно на контроле Проливов. В записке от 3 августа 1886 г., комментируя процессы реорганизации российской армии, строительства стратегических железных дорог, ускоренного возведения сильного броненосного флота на Черном море, он указывал, что «все это свидетельствует о ее (России. – А.А.) намерении обеспечить контроль над Черным морем и реализовать свои планы на Востоке» [8, pp. 12–13]. Именно в этот мо-

мент генерал Г. Брэкенбери окончательно сформировал глобальную концепцию превентивной войны Великобритании с Россией сразу на нескольких театрах боевых действий.

В Афганистане, по замыслу английского стратега, на границах с британской Индией следовало придерживаться активной обороны по операционной линии Кандагар–Кабул, параллельно осуществляя десантные операции в Малой Азии и на Ближнем Востоке в союзе с Персией и Турцией, чтобы вторгнуться в пределы российских владений в Закавказье [8, pp. 14–15]. Для этого он предлагал вернуться к планам первой половины 70-х гг. XIX в. по строительству Евфратской железной дороги для поддержки операций военно-морских сил Великобритании в Черном море со стороны Персидского залива. Однако, в связи с изменившимся политическими и стратегическими реалиями, он предлагал протянуть две железнодорожных ветки от морских портов в районе Персидского залива - одну трансграничную ветвь через Багдад до залива Александретта (Искандерун) в Сирии на побережье Средиземного моря, вторую - до Тегерана с перспективой ее соединения с железнодорожной системой Индии, чтобы иметь возможность нанести удар по российским коммуникациям одновременно в Закавказье и Закаспийской области [9, pp. 5–6; 10, pp. 4–5].

Однако стратегемы генерала Брэкенбери упирались в традиционную для Великобритании викторианской эпохи парадигму «блестящей изоляции», при которой Уайтхолл не стремился заключать долговременные союзы с другими странами, предпочитая сохранять «свободу рук» при решении внешнеполитических задач. В письме от 26 августа 1889 г. британский премьер-министр лорд Солсбери прямо заявил о том, что альянс с Турцией «никогда не может быть достигнут» [13, p. 63]. В подобной ситуации планы высшего британского командования в Лондоне не имели прочной основы и носили строго эвентуальный характер. Тем не менее, генерал

Брэкенбери до самого окончания срока своих полномочий в качестве главы разведывательного департамента настаивал на достижении союза с Портой, иначе, как он отметил в одной из записок, «наша единственная надежда состоит в том, чтобы в случае войны (с Россией. – А.А.) связать свою судьбу с Тройственным союзом, при условии, что наши азиатские интересы будут приняты во внимание...» [13, p. 63].

Историческое несоответствие военной стратегии и «реальной политики» Соединенного королевства стало четко обозначаться в 90-х гг. XIX в. Этот период характеризовался постепенным отказом от многолетней политики по защите проливов Босфор и Дарданеллы от России и переориентацией на сохранение британского владычества в Египте и сопредельных территориях. Во многом этому поспособствовали изменения в соотношении сил среди европейских стран. Важным фактором в системе международных отношений к концу XIX в. стало постепенное сближение России и Франции, закономерно приведшее к подписанию союзной оборонительной конвенции в начале 1894 г. Поэтому все возможные военные операции Великобритании против России в Черном море теперь ставились в прямую зависимость от положения Третьей Республики.

Очень ярко трансформацию традиционного вектора политики Великобритании по Восточному вопросу демонстрируют аналитические записки генерал-майора Джона Чарльза Арда, вступившего в апреле 1896 г. на должность руководителя департамента военной разведки. Он являлся представителем новой, интеллектуальной, школы британской военной элиты, воспитанной в духе армейских реформ 60-х – 70-х гг. XIX в. Кроме того, он принимал непосредственное участие в разработке британской военной стратегии по Восточному вопросу во время кризиса 1875–1878 гг.

В 1876 г. капитан Дж. Арда был назначен военным наблюдателем от Великобритании при штабе оттоманской армии во время Сербско-турецкой войны. В ок-

тябре того же года в момент обострения русско-турецких отношений из Лондона ему было передана инструкция подготовить проект защиты Константинополя в случае начала войны с Россией [7, р. 42]. В течение следующих нескольких месяцев капитан Арда проводил тщательную рекогносцировку местности на подступах к турецкой столице и проливам Босфор и Дарданеллы, а также побережья Мраморного моря с целью изучения наиболее оптимальных мест для высадки британского экспедиционного корпуса. По итогам этих изысканий он составил целый ряд аналитических записок, которые легли в основу проекта потенциальных военных действий против России в период Восточного кризиса [14]. Также он принимал непосредственное участие в работе британской делегации во главе с Б. Дизраэли и лордом Солсбери во время Берлинского конгресса в июне–июле 1878 г. Фактически он выступал военным советником лидеров британской внешней политики, что во многом обусловило для Лондона успешное заключение Берлинского трактата, ограничившего завоевания империи Романовых в войне с Турцией (1877–1878) [7, pp. 52–54].

После окончания конгресса в Берлине майор Арда был вновь командирован в Турцию для участия в международной комиссии по делимитации границ балканских владений Османской империи по итогам Русско-турецкой войны. Впоследствии в марте 1879 г. он составил аналитическую записку, в которой четко обозначил цели будущего разграничения Болгарии и Восточной Румелии. Прежде всего, по мнению британского офицера, оно решало задачу подготовки «наилучшего плана действий турок в будущей войне, независимо от того, будут ли они союзниками или нет; и относительно значения с военной точки зрения определенных пограничных пунктов в вопросе планирования различных операций». «Англия и Австрия являются наиболее заинтересованными державами, – писал майор Дж. Арда, – первая в связи с операциями, направленными против Константинополя и Галлиполи, а вторая в свя-

зи с продвижением по линии Салоники–Митровица, окончательная оккупация которой при определенных обстоятельствах, без сомнения, находится в планах этой державы» [15, р. 114]. Поэтому с позиции военной науки он считал, что границу следовало провести так, чтобы Турция могла посредством активной или пассивной обороны многочисленных перевалов, дорог, шоссе и путей эффективно блокировать проход через Балканские горы, чтобы дать время потенциальным союзникам на подготовку своих военных континентов.

В таком случае майор Арда по собственному опыту рекогносцировок и топографии местности на Балканах в период Восточного кризиса предлагал в случае войны с Россией занять пассивную оборону в Константинополе и на полуострове Галлиполи и сделать базой вероятных наступательных операций одну из гаваней на побережье Черного моря – Бургас, Варна или Кюстенджи. «Лучшей и даже обязательной линией поведения для Порты, – заключал британский офицер, – будет создание укрепленных лагерей в Андрианополе и Бургасе в качестве своих оперативных баз, а также захват и укрепление Варны при инициации военных действий» [15, р. 114]. Таким образом, к моменту вступления в должность главы разведывательного департамента Великобритании генерал-майор Дж. Арда имел наивысшую степень компетенции при оценке актуальной политической ситуации и планировании дальнейшей военной стратегии Соединенного королевства по Восточному вопросу.

В середине 90-х гг. XIX в. в Османской империи начался очередной внутренний кризис, приведший к армянским погромам и восстанию греческого населения на о. Крит. В Лондоне вновь стали обсуждать перспективы сложившегося положения, прежде всего выражая опасения, что Россия воспользуется неустойчивостью Порты для захвата Константинополя и Босфора. На это, в частности, указывало секретное послание от 15 сентября 1896 г. из британского консульства в Одессе: «...эскадра, состоявшая из трех броненос-

цев, двух крейсеров и двух торпедных катеров, отплыла в Тендру; она будет ожидать там распоряжения русского посла в Константинополе (А.И. Нелидова. – А.А.), и к ней присоединятся другие военные корабли, если его превосходительство телеграфирует с просьбой об этом» [16, р. 190].

15 октября 1896 г. генерал-майор Дж. Арда подготовил записку «Восточный вопрос в 1896 году» [12]. Как предполагается, указание конкретной даты в заглавии записки сделано автором неслучайно. Этим он пытался подчеркнуть тектонические изменения во внешнеполитическом ландшафте, сформировавшемся к концу столетия. К 1896 г. Великобритания оказалась в очень сложной ситуации совершенно «неблестящей изоляции», в которой ее интересы преимущественно на почве колониальной политики сталкивались с противоборством практически всех великих держав в различных уголках Африки и Евразии. «При таких обстоятельствах, – писал генерал-майор Арда, – о политике странствующего рыцарства или авантюризма не может быть и речи» [12, f. 35]. Поэтому автор задавался справедливым, но не сформулированным дословно вопросом – должна ли Великобритания продолжать ревностно отстаивать целостность «большого человека Европы»?

Генерал-майор Арда рассматривал эту проблему, естественно, сквозь призму вероятности захвата Россией Босфора и Константинополя. В целом автор считал, что этот «coup de main» (внезапный удар) она способна совершить «когда ей заблагорассудится» [12, f. 30]. К такому выводу он пришел еще в 1894 г. после частной поездки в Крым, где стал свидетелем очередных российских военно-морских учений, которые регулярно проводились с 1885 г. в рамках систематической подготовки к Босфорской операции. В то же время автор отмечал укрепление оборонительных сооружений именно в районе Дарданелл, что заметно осложняло потенциальные ответные действия со стороны Великобритании. И если в разгар Пендинского кризиса 1885 г. российской военный агент в Турции

В.Н. Филиппов считал, что «английская броненосная эскадра пройдет оба Пролива, не встретив серьезного сопротивления» [3, Л. 19], то теперь генерал-майор Арда заявлял о невозможности форсирования Дарданелл без тяжелых потерь со стороны британского военно-морского флота. Проведение же десантной операции на полуострове Галлиполи с целью его оккупации и занятия обороны по линии Булаирского перешейка считал бессмысленной без поддержки Италии и других участников Тройственного союза [12, f. 32–33, 39–40].

Однако такая военно-политическая комбинация неизбежно привела бы к обострению отношений с Францией, что, в свою очередь, создавало очень вероятную перспективу большой войны с российско-французским альянсом, в которой, по мнению генерал-майора Арда, союзных австро-итало-британских сил без поддержки Германии окажется недостаточно. В то же время, учитывая осложнение германо-британских отношений на почве раздела Африки и обострения военно-морского соперничества между державами – полагаться на содействие Берлина, с его точки зрения, не приходилось [12, f. 43, 54]. В связи с этим он пришел к выводу, что без совместного демарша великих держав или расположения их кораблей-стационеров рядом с Константинополем, Великобритания в одиночку будет неспособна предотвратить превращение Черного моря «в военную гавань, по своему желанию из которой русские эскадры могут выходить и куда они могут спокойно возвращаться» [12, f. 42–43].

Тем не менее, генерал-майор Арда указывал на необходимость упрочнения позиций в Египте и на его огромное значение для формирования британской имперской стратегии. Если раньше союз с Турцией отражал заинтересованность Великобритании в защите от России восточных владений Порты, то «с Александрией в наших руках», как писал глава разведывательного департамента, Англия обладала всеми необходимыми средствами влияния на политическую обстановку в Малой

Азии и на Ближнем Востоке, и без потребности поддержания целостности Османской империи [12, f. 47].

В итоге к началу XX в. Великобритания окончательно отказывается от традиционной формы политики по Восточному вопросу, что во многом позволило снизить напряжение в российско-британских отношениях и перейти к совместному сотрудничеству в рамках военно - политического блока «Антанта» в 1907 г. Однако, как можно предположить, подобный поворот на рубеже столетий имел и негативные последствия. В определенном смысле он заложил основы трагедии Дарданельской операции (1915–1916), поскольку высшее политическое руководство Великобритании в итоге недооценило те сложности, которые могли возникнуть в результате вступления Турции в Первую мировую войну на стороне австро-германского блока.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. В последней трети XIX столетия Восточный вопрос в интерпретации британской военной элиты имел широкое географическое толкование и отождествлялся с глобальным стратегическим соперничеством с Россией в различных регионах Евразии. Представители британской армейской корпорации оказывали существенное влияние не только на теоретизацию, но и на практическую детализацию политического курса Соединенного королевства по Восточному вопросу, имевшего зачастую агрессивное и строго наступательное наполнение. Однако по мере динамично менявшейся обстановки в мире, традиционные точки зрения в военных кругах подвергались ревизии под релевантную «реальную политику», позволяя более гибко выстраивать британскую стратегию на Востоке в контексте взаимоотношений с Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов О.Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2018. 496 с.
2. Гелла Т.Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX – начале XX веков. Орел. 2009. 170 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив(далее–РГВИА).Ф.401.Оп.4.1885.Д.10
4. РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. 1875. Д. 47
5. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 90
6. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. 454 с.
7. Ardagh S.H. The Life of Major-General Sir John Ardagh. London. 1909. 479 p.
8. British Library, Ministry of Defense, Directorate of Military Operations (далее BL, DMO) 4/3, Major-General H. Brackenbury General Sketch of the Situation Abroad and at Home from a Military Standpoint. 3 August 1886
9. BL, DMO/9/13, Memorandum by Lieutenant-General Brackenbury Respecting Persian Railways. 9 October 1889.
10. BL, DMO/10/26, Major-General H. Brackenbury Memorandum respecting the Construction of Turkish Railways in Asia Minor. 7 September 1887
11. Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, 1876–1893.London. 1993.478p.
12. The National Archives, Kew (далее – TNA), Sir John Ardagh Papers, Public Records Office 30/40/14, Major-General J.C. Ardagh The Eastern Question in 1896. 15 October 1896
13. TNA, Public Records Office: Cabinet Office (далее – PRO CAB) 38/1/6, Memorandum by Lieutenant-General H. Brackenbury. June 1890
14. TNA, Public Records Office: Foreign Office (далее – PRO FO) 424/38, Captain Ardagh Report on the Defensive position between Sea of Marmara and the Black Sea. 15 November 1876; Captain Ardagh Report on the Defences of Dardanelles. December 1877.
15. TNA, PRO FO 424/81, Major J.C. Ardagh Memorandum respecting the Delimitation of the frontier of Bulgaria. 1 March, 1879.

16. TNA, PRO FO 424/188, Acting Consul-General Mackie to Marquess of Salisbury. 15 September 1896.
17. TNA, Public Records Office: War Office (далее – WO) 33/25/1873/547, Captain C.W. Wilson Russian Advances in Asia. 1873.
18. TNA, WO 33/29/1876/629, Major-General G. Wolseley The Eastern Question. 10 November 1876.
19. TNA, WO 33/43/1885/990, Colonel A.S. Cameron Precis on the Defence of India by Major-General sir C.M. Macgregor. March 1885.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ajrapetov O.R. General-ad#jutant Nikolaj Nikolaevich Obruchev (1830–1904). Portret na fone jepohi. M., 2018. 496 s.
2. Gella T.N. Geopoliticheskie interesy Velikobritanii i anglijskie politicheskie partii v konce XIX – nachale XX vekov. Orel. 2009. 170 s.
3. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv(dalee–RGVIA).F.401.Op.4.1885.D.10
4. RGVIA. F. 431. Op. 1. 1875. D. 47
5. RGVIA. F. 846. Op. 1. D. 90
6. Sergeev E.Ju. Bol'shaja igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskih otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii. M., 2012. 454 s.
7. Ardagh S.H. The Life of Major-General Sir John Ardagh. London. 1909. 479 p.
8. British Library, Ministry of Defense, Directorate of Military Operations (dalee BL, DMO) 4/3, Major-General H. Brackenbury General Sketch of the Situation Abroad and at Home from a Military Standpoint. 3 August 1886
9. BL, DMO/9/13, Memorandum by Lieutenant-General Brackenbury Respecting Persian Railways. 9 October 1889.
10. BL, DMO/10/26, Major-General H. Brackenbury Memorandum respecting the Construction of Turkish Railways in Asia Minor. 7 September 1887
11. Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, 1876–1893.London. 1993.478p.
12. The National Archives, Kew (dalee – TNA), Sir John Ardagh Papers, Public Records Office 30/40/14, Major-General J.C. Ardagh The Eastern Question in 1896. 15 October 1896
13. TNA, Public Records Office: Cabinet Office (dalee – PRO CAB) 38/1/6, Memorandum by Lieutenant-General H. Brackenbury. June 1890
14. TNA, Public Records Office: Foreign Office (dalee – PRO FO) 424/38, Captain Ardagh Report on the Defensive position between Sea of Marmara and the Black Sea. 15 November 1876; Captain Ardagh Report on the Defences of Dardanelles. December 1877.
15. TNA, PRO FO 424/81, Major J.C. Ardagh Memorandum respecting the Delimitation of the frontier of Bulgaria. 1 March, 1879.
16. TNA, PRO FO 424/188, Acting Consul-General Mackie to Marquess of Salisbury.15 September 1896.
17. TNA, Public Records Office: War Office (dalee – WO) 33/25/1873/547, Captain C.W. Wilson Russian Advances in Asia. 1873.
18. TNA, WO 33/29/1876/629, Major-General G. Wolseley The Eastern Question. 10 November 1876.
19. TNA, WO 33/43/1885/990, Colonel A.S. Cameron Precis on the Defence of India by Major-General sir C.M. Macgregor. March 1885.

Поступила в редакцию 12.02.2022.
Принята к публикации 20.02.2022.

Для цитирования:

Арбеков А.Б. «Восточный вопрос» в интерпретации британской военной элиты в последней трети XIX века // Гуманитарный научный вестник. 2022. №2. С. 21-30. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/02/Arbekov.pdf>